

вопрос: если, как нам известно, многие православные священники, репрессированные в 1930-е годы, действительно вели антисоветскую пропаганду, то мусульманские лидеры, как правило, не занимались политической деятельностью и вели исключительно религиозную пропаганду. Автор настаивает: несмотря на то, что татарских мусульман обвиняли в связях с эмигрантской тюркско-татарской организацией “Идел-Урал”, которая располагалась в Европе и лидеры которой, в частности упоминавшийся выше Г. Исхаки, стремились установить тесные контакты с мусульманскими лидерами Татарстана, эти обвинения *не имели реальных оснований. В Татарстане не было антисоветских мусульманских движений.* По нашему мнению, все же эти связи имели место, и, возможно, татарские лидеры вели антисоветскую пропаганду и работу, однако материалы И.Р. Миннуллина пока это не подтверждают. Поэтому пожелаем молодому исследователю продолжить поиск новых архивных и иных материалов для того, чтобы всестороннее и детальнее рассмотреть ряд ключевых аспектов истории ислама в советском Татарстане. Например, автор совсем не обращается к такому важному источнику, как *устная история.* Думается, что полевые этнографические материалы помогли бы автору решить многие из поставленных, но пока еще не до конца решенных проблем истории татарского ислама.

Литература

Бабич 1999 – Бабич И.Л. Правовая культура адыгов. М., 1999.

ЭО, 2010 г., № 1

© А.О. Захаров. Рец. на: *L.Y. Andaya. Leaves of the Same Tree: Trade and Ethnicity in the Straits of Melaka.* Honolulu: University of Hawai'i Press, 2008. X, 320 p.*

Монография Леонарда Андайя посвящена исследованию этнической истории малайско-язычных народов, обитавших вокруг Малаккского пролива с древности до XIX в. Впрочем, она не касается истории нынешней малайской нации (о ней см. *Milner* 2008).

Книга состоит из введения, семи глав (“Предшественники Малайю”, “Возникновение Малайю”, “Рождение минангкабау” (ethnicization), “От Малайю к Аче”, “Малайю батаков”, “Народы Моря и Малайю”, “*Оранг асли/суку терасинг* и Малайю”) и заключения “Конструирование прошлого Юго-Восточной Азии в этнических терминах”. К этому прилагаются примечания, избранная библиография и индекс.

Наиболее интересная идея Андайя заключается в предположении о важнейшей роли торговли в становлении этнического самосознания малайскоязычных народов. Он реконструирует различные значения термина *malayu*, изменявшиеся с ходом истории, и показывает, как происходило конструирование этничности под влиянием меняющихся условий торговли и стремления отдельных общин достичь максимальной выгоды от использования определенных самоназваний в конкретной обстановке. Андайя уверен в том, что не существовало единого народа малайцев, сохранившихся с древнейших времен до наших дней, – напротив, во II тысячелетии н.э. понятие малайскости (*malayness*) претерпевало изменения от обозначения отдельной политии через свойственный обитавшим вокруг Малаккского пролива сообществам тип культуры к имени этноса; вдобавок оно может означать язык и небольшие общины. Андайя замечает, что “неопределенность и множественные значения, которые могли быть извлечены группами из возникновения и традиций Малайю, превратили Малайю в расширительную, выразительную и впечатляющую этничность” (р. 11).

Во введении определяются основные понятия исследования. Под “этничностью” автор понимает способ осмысления мира и действий в нем посредством привилегированного этнического самосознания и соответствующих ему интересов. Этническая группа трактуется как совокупность людей, имеющих общее название, общий миф о происхождении, общность истории и культуры, чувство солидарности между разными стратами общества. Этническое наименова-

---

Антон Олегович Захаров – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела стран Юго-Восточной Азии Института востоковедения РАН; e-mail: Zakharov_anton@mail.ru

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ “Формирование цивилизационной общности и современного регионализма в Юго-Восточной Азии”, № 07-01-00081а.

ние (ethnic category) отсылает к неопределенной и обобщенной общности, с которой индивиды связывают себя и/или к которой их относят окружающие. Язык важен для этносов и потому, что его подвижность способна сделаться объединяющей силой и соответственно воздействовать на изменение этнических границ. По мнению Андаи, этническое самосознание – подвижное понятие, потому он сосредоточивается на изучении *процесса* формирования народа, природа этнического самосознания коего носит случайный характер.

В первой главе “Предшественники Малайю” Андайя рассматривает лингвистические, археологические и исторические данные о генезисе малайско-полинезийской группы языков, путях их распространения, сложении значительной по масштабу обменной и/или торговой сети вокруг Малаккского пролива и вовлеченных в эту сеть первых политий вплоть до VII в. Он пытается примирить теорию распространения австронезийцев с Тайваня П. Беллвуда – Р. Бласта с идеей В. Солхейма II о сети “Нусантары”, распространявшейся с восточного побережья Центрального Вьетнама и характеризующейся общностью культуры (см. также *Кулланда* 1992: 26–35). Андайя отмечает, что теория Беллвуда–Бласта имеет дело с лингвистическим фактом, а Солхейма II – с культурой. Эта культура с единым языком общения, как он считает, стала побочным продуктом торговой и социальной сети множества разных общин. Исследователь вводит понятие “Малайское море”: оно простиралось от Южной Индии и Шри-Ланки до Южно-Китайского моря и Вьетнама и охватывало сообщество поселений, соединенных экономическо-культурными взаимодействиями. Андайя полагает, что процветание ранних политий (Фунани, Дуньсуни, Паньпани, Лангкасуки, Читу, Тамбалинги, Кедаха, Линь, Чампы) целиком зависело от торговли. Так, возникновение прямой торговли Южного Китая с Юго-Восточной Азией в V в. через Малаккский пролив привело к постепенному ослаблению Фунани, расположенной в низовьях Меконга и ранее контролировавшей потоки товаров в Китай и Индию через Малаккский п-ов (с. 42).

Вторая глава “Возникновение Малайю” посвящена влиянию Шривиджайи и Малаккского султанага на понятие *melayu*. Именно с юго-восточной Суматрой автор связывает появление этого понятия: в VII в. китайские источники упоминают тамошнюю политию с этим названием. В последней трети этого столетия, по утверждению Андаи, цитирующего китайского паломника И Цзина, “Малайю теперь превратилось в Шрибхогу (т.е. Шривиджайю)” (с. 54). Я должен подчеркнуть, что это предвзятый перевод китайского текста: там “*чжоу* Малайю стало теперь одним из многих *го* Шривиджайи” (*Wolters* 1986: 18), что лучше трактовать как “остров/материк Малайю стал одной из стран/частей Шривиджайи”.

Андайя признает, что мы не можем установить этническое самосознание жителей Шривиджайи, но в VII–XI вв. происходило становление малайской культурной прародины с центром в Палембанге, а между XI–XIV вв. в Джамби/Малайю. “Малайская полития” имела следующие черты: 1) транзитное государство, вовлеченное в морскую международную торговлю; 2) правитель, наделенный священной властью и признаками; 3) управление, основанное на родственных связях, а не на принуждении; 4) смешанное население с особыми и взаимовыгодными ролями в экономике; 5) царство, чья протяженность определяется не территорией, а местоположением ее подданных. Знаменитый Малаккский султанат, хотя и усвоил в середине XV в. ислам, основывал свое могущество на контроле над международной торговлей и согласии родов и кланов. Правителю приписывалось происхождение от сверхъестественного предка, способствовавшее его легитимации. Султанат содействовал сохранению малайским языком статуса *Lingua franca*. Родовые связи были крайне значимы, что нашло отражение в знаменитой “Повести о Ханг Туахе” (1984). Укрепить их можно было заключением брака, фиктивной генеалогией. Расширению родовой группы помогали институты молочного родства и усыновления, и именно она была основной ячейкой политии. Все эти формы усиления родовых групп способствовали росту малайской народности, вовлечению в нее чужаков. Показательно, что в “Малайских родословиях” (*Ревуненкова* 2008) и “Повести о Ханг Туахе” термин *melayu* употребляется для противопоставления иностранцам: яванцам, сиамцам или португальцам; он входит и в состав выражения “люди из Мелакки” (с. 80–81). Поэтому уже можно говорить о появлении этнического обозначения “малаец”, а не только об обозначении члена какой-либо политической и/или поселенческой единицы.

Третья глава “Рождение минангкабау” содержит крайне интересную реконструкцию выделения минангкабау из “малайских стран” в отдельную народность в течение XIV–XVIII вв. (см. также *Маретин* 2002). В XIV в. яванская поэма “Нагаракертагама” включала минангкабау в состав малайцев, а за следующие два столетия сложилась новая этническая общность, объединенная вокруг правителя Пагаруюнга. Именно признание символического господства “великого царя царей” Пагаруюнга, владыки “Мира минангкабау” (*alam minangkabau*) вплоть до 1833 г., когда этот титул был упразднен голландцами, отличало минангкабау от других этносов. Мо-

гущество владык Пагаруюнга основывалось на их способности обеспечить безопасность торговых путей из золотоносных внутренних районов в гавани на западном побережье Суматры. Характерные черты общественного строя минангкабау: матрилинейный счет родства и обычай странствий за пределы Падагского нагорья на Западной Суматре (*merantau*), хотя и сложились довольно рано, стали играть решающую роль в самосознании минангкабау только после упразднения монархии Пагаруюнга. Андайя связывает матрилинейный счет родства со стремлением минангкабау выделиться из окружавших их народностей с патрилинейным счетом родства: малайцев и батаков, а обычай странствий объясняет перенаселением горных деревень.

В четвертой главе “От Малайю к Аче” Андайя восстанавливает место Ачехского султаната в истории малайского мира и определяет время выделения ачехцев в самостоятельный этнос. По его мнению, в XVI–XVII вв. переживавший свой расцвет султанат был центром *alam talayu*, или малайского мира, превосходя формального наследника Малакки Джохорский султанат (см. также Берзин 1982, 1987; Брагинский 1988; Тюрин 1970). Основой могущества Аче был контроль над торговлей индийскими тканями в Архипелаге. Именно Аче сделал ислам атрибутом малайского мира, распространяя здесь заимствованные из Индии, Персии и Османской империи политические, духовные и социальные институты мусульманства. В конце XVII в. преобладание получает Джохорский султанат, поддерживаемый Голландской Ост-Индской компанией, и Аче утрачивает господство над торговыми путями, переключаясь на развитие рисоводства и выращивание перца. Власть внутри Аче переходит от султанов и султанш к местной знати *улебалангам* и религиозным наставникам *улама*. В XVIII–XIX вв. малайская этничность была в Аче полностью утрачена.

Пятая глава “Малайю батаков” содержит обзор истории батаков от появления их предков около оз. Тоба во внутренних районах северной Суматры до Нового времени. Миграции батаков на побережья объясняются выгодой от участия в международной торговле. Батаки добывали камфору и бензойную смолы, востребованные на мировом рынке еще в период Шривиджайи. В XIII–XIV вв. земли батаков рассматривались как часть “малайского мира”. Между XV–XVIII вв. вследствие соперничества с соседями (тоже принадлежавшими к малайскому миру) батаки формируют особое самосознание на основе религиозных институтов *пербегу/немену*. Это культ духов предков *бегу* и подчинение верховному жрецу – правителю клана, вера в его знание и сверхъестественные способности. Батаков еще отличает представление о происхождении из местности вокруг оз. Тоба. Тем не менее есть свидетельства о том, что батаки могли иметь и малайскую идентичность, проживая на побережьях Суматры и принимая ислам и малайский язык. По возвращении во внутренние районы они исполняли обряд восстановления в своем клане *мара* и поселялись в деревнях *хута*. Существование таких “малайских батаков” способствовало укреплению связей между прибрежными малайскими царствами и собственно батакскими общинами.

В шестой главе “Народы Моря и Малайю” исследуется судьба загадочной народности *оранг лаут*, или “людей моря”. Эти морские кочевники были незаменимыми лоцманами и воинами для многих малайских политий, беря на себя охрану морских путей и правителей и проведение кораблей через сложные течения, рифы, отмели в нужную гавань. Они занимались и пиратством, особенно при переворотах в малайских княжествах, когда не было верховного правителя, которому они хранили верность. Хотя оранг лаут говорили на диалектах малайского языка, их образ жизни, основанный на мореходстве и привязанный к определенным группам островов, способствовал формированию особой этничности, отдельной от малайцев. С конца XIX в. из-за усиления колониального владычества европейцев, окончательной переориентации малайцев на товарное земледелие и освоения морских пространств другими народностями оранг лаут потеряли свой статус и превратились в “отверженных” обитателей архипелага Риау и других малых островов Индонезии, Малайзии, Бирмы и Таиланда.

Седьмая глава “Оранг асли/суку терасинг и Малайю” содержит исследование малых народов Малайзии и Индонезии: “коренных жителей” (*orang asli*) и “изолированных племен” (*suku terasing*), как их официально называют правительства этих государств соответственно. Не представляя собой единого народа, эти этнические группы имеют много общего в образе жизни, занимаясь собирательством, охотой и иногда подсечно-огневым земледелием (например, обитающие в тропических лесах в бассейнах рек Индрагири, Кампар и Сиак на Суматре *петаланган*). В большей или меньшей степени им свойствен подвижный образ жизни, хотя перекочевки всегда происходят в пределах определенной территории, которую племя считает своей и за пределы коей старается не выходить. Эти малые народы вплоть до XVII в. были основными поставщиками продуктов тропического леса для международной торговли: ароматических смол и древесины, например, ротанга. Эти товары обменивались на металлы, ткани и соль из прибреж-

ных малайских султанатов. В XVII–XVIII вв. малайцы перешли к выращиванию новой товарной культуры – перца, после чего потребность в лесных продуктах пошла на убыль. В XIX в. под влиянием формирования глобальной экономики, исключившей собирание лесных продуктов из числа прибыльных видов хозяйственной деятельности, “изолированные племена” превратились в изгоев, в каком положении они остаются до сих пор.

В целом монография Л. Андаи получилась очень содержательной. Конечно, в ней есть спорные положения и неточности. К первым можно отнести тезис о том, что гаремы были заимствованы правителями Ачехского султаната из мусульманских стран. Дело в том, что уже в надписях Шривиджайи упоминаются “жены правителя” (*vini hāji*, *De Casparis* 1956: 33, 39), поэтому можно считать это явление общим для малайскоязычного мира. Шривиджайская надпись Кедукан Букит датируется 682, а не 683 г. (*Damais* 1952: 98). Но эти замечания несколько не умаляют высокой научной ценности исследования, которое, несомненно, будет незаменимым в изучении этнической истории малайского мира.

Литература

- Берзин* 1982 – *Берзин Э.О.* Юго-Восточная Азия в XIII–XVI веках. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва “Наука”, 1982.
- Берзин* 1987 – *Берзин Э.О.* Юго-Восточная Азия и экспансия Запада в XVII – начале XVIII века. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва “Наука”, 1987.
- Брагинский* 1988 – *Брагинский В.И.* Хамза Фансури. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва “Наука”, 1988.
- Кулланда* 1992 – *Кулланда С.В.* История древней Явы. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва “Наука”, 1992.
- Маретин* 2002 – *Маретин Ю.В.* Индонезия. Избранные работы. СПб.: Алетейя, 2002.
- Повесть о Ханг Туахе 1984 – Повесть о Ханг Туахе / Пер. с малайского, предисл., примеч. Б.Б. Парникеля. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва “Наука”, 1984.
- Ревуненкова* 2008 – *Ревуненкова Е.В.* Сулалат-ус-Салатин: малайская рукопись Крузенштерна и ее культурно-историческое значение. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008.
- Тюрин* 1970 – *Тюрин В.А.* Ачехская война (из истории национально-освободительного движения в Индонезии). М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва “Наука”, 1970.
- Damais* 1952 – *Damais L.-Ch.* Liste des principales inscriptions datées de l’Indonésie // *Bulletin de l’Ecole Française d’Extreme Orient*. T. 46. Fasc. 1. 1952. P. 1–105.
- De Casparis* 1956 – *De Casparis J.G.* Selected Inscriptions from the 7th to the 9th Century A.D. Prasasti Indonesia. Vol. II. Bandung: Masa Baru, 1956.
- Milner* 2008 – *Milner A.* The Malays. Chichester, West Sussex UK: Wiley-Blackwell, 2008 (The People of South-East Asia and the Pacific).
- Wolters* 1986 – *Wolters O.W.* Restudying Some Chinese Writings on Sriwijaya // *Indonesia*. Deel 42. 1986. P. 1–42.

Errata

В № 4 – 2009 следует читать:

Стр. 206, 6-я строка снизу вместо Vainstejn – Vajnstejn, 7-я строка снизу вместо Majnstejn (2 p.) – Vajnstejn.

На стр. 207 подпись авторов под статьей следует читать: **Е.П. Батьянова, В.А. Кореняко.**

В № 5–2009 в статье П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова. Социальная антропология: образование, наука, профессия (с. 27–41) были допущены ошибки в сведениях об авторах. Правильные сведения следует читать:

Павел Васильевич Романов – доктор социологических наук, директор Центра социальной политики и гендерных исследований (г. Саратов), главный редактор Журнала исследований социальной политики, профессор кафедры социально-экономических систем и социальной политики Государственного университета – Высшей школы экономики (г. Москва).

Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова – доктор социологических наук, профессор кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета, научный руководитель Центра социальной политики и гендерных исследований (г. Саратов), профессор кафедры общей социологии Государственного университета – Высшей школы экономики (г. Москва).